

Юрий СЕРЕБРЯНСКИЙ

БАСЯ

Повесть¹

Небольшое вступительное слово

Эта повесть о детстве, но уже не моем, хотя место действия, так уж получилось, связано и с моими детскими воспоминаниями. В деревню Чувашская Решетка нас с Гришкой отвозили на лето родители, все там с тех пор поменялось. Поменялись и мы сами. Мне повезло – работаю удаленно, и после долгих внутрисемейных разговоров я был выбран для того, чтобы присматривать за нашими детьми в это лето. Мы решили, что неплохо бы им, наконец, познакомиться. Деревня оказалась подходящим местом. Правда, сначала мы не могли найти дом, чтобы снять, а когда нашли, удивившись, сколько еще в мире городских телефонов, то еще искали хозяина, чтобы заплатить за месяц вперед. Вернее, за месяц всего. Деньги брат Владимир отказался, и мы сошлись на том, что билет на концерт Аллы Пугачевой в Москве – достойная компенсация всех расходов. А если выдержим месяц, то, может быть, и еще останемся там, и остальное уже решим деньгами. Вещи в чемоданах. Машина – только для экстренных случаев, вроде поездки за продуктами в соседний Барыш.

Июльским утром мы с Басей и ее двоюродным братом Кешей уселись в Тойоту. Знойное Подмошье не вышло на улицу сказать до свидания. Спят еще. А я гляжу в зеркало заднего вида и понимаю, что зря сказал вам о детях, на заднем сидении двое подростков, молчаливых и погруженных в собственные опасения. Все, что произошло дальше – основано на моих наблюдениях, предположениях и перемешано с воспоминаниями из собственного детства, а где-то и игрой воображения. Я же писатель, а не шалам – балям.

1.

– Пап, долго нам еще ехать? – спросила Бася, подняв глаза от смартфона, не вынимая белого наушника. Серебристый наконечник выглядывал из-под растрепавшихся волос. В зеркале заднего вида отец заметил, само собой, что за секунду до вопроса Кеша незаметно толкнул ее в бок. Еще он заметил, что Кеша не зовет его никак. Просто обращается на вы.

– Так, еще часа два едем, потом остановка в Барыше на обед, – отец говорил в зеркало, представляя, наверное, что там микрофон.

¹ Повесть «Бася» – продолжение и часть цикла из рассказов «Соль» и «Соль просыпается», опубликованных в журналах Angime и «Дактиль».

Юрий Серебрянский родился в 1975 году в Алма-Ате. Окончил Казахский государственный национальный университет, получив диплом химика-эколога, и Варминско-Мазурский университет в городе Ольштын по специальности культурология. Публиковался в журналах «Простор», «Дружба народов», «Воздух», «Знамя», «Новый мир», Barzakh, Symptoseum, ROAR, Литература, «Формаслов», «Дактиль» и др. Лауреат «Русской премии» и др. Состоит в Казахском Пен-клубе и Союзе литературных переводчиков Польши. Живет в Казахстане и в Польше.

– А знаете что? Раз мы целый месяц будем с вами одной компанией, давайте не устраивать иерархии. Зовите меня Юрай. На ты. Юрай Добрила, например.

Бася засмеялась, сказав: «классно».

Кеша переспросил – как? Юрай? Что за Юрай еще?

– Неважно, был такой хороший человек, я тоже постараюсь быть хорошим. Давайте все стараться. Если хотите никнеймы, намекайте, как нам вас звать.

– Да меня как-то все устраивает, – сказал Кеша.

Немного подумав, Бася ответила: «меня зовите Бася».

– Договорились!

Аккуратные поля подсолнечника за окном разглядывали солнце желтыми медузами цветов, на шоссе почти никого.

Юрай глянул на навигатор в телефоне. Делал это периодически. Остановка через час и сорок семь минут.

В Барыше Бася и Кеша ели хот-доги и печенье. Хотя он не считал это нормальной едой, возражать не стал. Все-таки в деревне такого не найдешь. Придется ездить, если что, сюда, на заправку. Единственное место в городке – Роснефть. Сам он взял кофе и, подумав, тоже хот-дог. Неизвестно все-таки, сколько времени понадобится на обустройство, прежде чем из багажника можно будет достать пирог и остальные припасы. Барыш почти уже сросся с несколькими окружающими его деревнями, жители которых ходили или ездили сюда на работу каждое утро. Здесь только и оставалась еще работа. Из самого Барыша много кто уехал в большие города. Сейчас некоторые возвращались, но чем заниматься, пока было неясно. Сотрудники Роснефти выглядели сияющими монетками – работа мечты в районном центре.

Он не первый раз приезжал сюда на машине, дороги на удивление хорошие, серпантинном среди зелени. Пустые, и без горизонта. Плоское море полей и деревья – край леса, клином выступающий то тут, то там. Ничего из этого не поменялось, да и потом не поменяется.

– Вот, блин, – сказал Кеша, пошарив в рюкзаке, куда только что сунул купленные на заправке батончики.

– Что там? – Юрай выруливал с парковки, пережидая, когда медленная фура, чуть ли не единственная встреченная за последний час, проползет, набирая скорость.

– Я, кажется, билет забыл, дядя Юр, он там, у меня в комнате, на столе, – сказал Кеша, – я же еще хотел книгу взять и сунул туда конверт!

– Что за книга? – спросила Бася.

– А какая разница?

– Хочется узнать, кто виноват, все-таки, – засмеялся Юрай.

– Ладно, простите меня, – Кеша выдохнул.

– Капец, – сказала Бася, – и что делать теперь?

– Давайте сначала доберемся до места, – Юрая захватило детское ощущение приключений, он вырулил за фурой, а потом сразу же обогнал ее, весело просигналив два раза.

Дорога от Барыша до Чувашской Решетки оказалась похуже. Они встретили даже телегу, запряженную кобылой, с единственным седоком, стариком в черном худи с капюшоном. «Дерзкий какой дед», – сказала Бася.

– Дай-ка мне свой телефон, у меня сел, – он услышал, как Кеша обратился к дочери, совсем как в детстве, когда они играли в алматинской квартире. Его тихоня дочь и ураган-братец. Во что ей только не пришлось играть. Сейчас двоюродный брат вел себя, как будто не было пяти лет расставания и расставания между ними. Машина аккуратно перебиралась через поперечную канаву. По-видимому, это был ручей, его веками пытались присыпать, а он все побеждал и побеждал.

– С какой стати, – ответила Бася, – могу пауэрбанк одолжить.

– Пауэбанк, – Кеша попробовал спародировать американское произношение, – у нас переходники разные. «Бася», так только кошек зовут в инстаграме. Что еще за «Бася»?

– Хелоу, Кэшша, – ответила Бася, – возьми-ка микрокредит наличкой. – Сказала резко и с надеждой глянула на отца через зеркало заднего вида. Тут только он понял, в какой трудной ситуации может оказаться, но промолчал.

Потом заметил:

– Я – Добрила, я – за добро!

Дома стояли в один ряд, выстроившись вдоль железной дороги. В деревне были, конечно, и другие улицы, и даже церковь, и школа. Чувашская Решетка – не маленькая, жителей, правда, осталось совсем немного, как сказал Владимир. Несмотря на опасения, хозяйство оказалось довольно ухоженным. Юрай не мог вспомнить, кто здесь жил, когда они с Гришкой ходили по этой улице в детстве. Точно не родственники. Он не стал указывать на темный двор деда, когда проезжали мимо. Не хотелось начинать с ностальгии. Пусть своих впечатлений набираются. Остальное – позже.

Дом, в который они заносили вещи, не выделялся разнообразием архитектурных решений. Высокое крыльцо с перилами – скамейками, калиточка, ее можно легко перепрыгнуть, слева от крыльца – массивные деревянные ворота во двор. Вообще, все вокруг из дерева. Но сам сруб оштукатурен и обычно бывает побелен, но в этом доме – светлые обои. Сразу за дверью – сени. Направо вход в жилые помещения, а если пройти дальше, лестница в три ступени приведет вниз, на кухню, и широкая дверь – на задний двор. Все это предстояло еще обойти. В огороде обещали баню с водокачкой. Деревянный настил во дворе, куда въехала машина, – чистый, а значит никаких кур и коров. Каждому досталось по комнате. Он выглянул в окно в сторону железной дороги. Заросший палисадник. Видимо, хозяева приезжали прибраться только ради их приезда. Он заметил листок на булавке, рядом с дверью, там, где у деда с бабушкой висел календарь. Листок был распечатан на принтере. Агротуристская фирма «Машенька». Видимо, когда-то хозяева вели бизнес.

После того как разложили вещи, стало совсем тихо. Тикали только часы на стене, и когда он сел на застеленную зеленым покрывалом кровать, скрипнули пружины. И вдруг тишину разорвал гудок поезда, сразу за ним шум проносившегося на скорости состава, телевизор на шатком столике затрясся мелко, будто испугался. Юрай сидел и улыбался – как он отвык от этого всего, совсем забыл.

Ощущение детской чистоты и покоя. Он посмотрел на застеленный скатертью стол и предположил, как здесь будет здорово работать. По привычке проверил, далеко ли до розетки. Должен быть и интернет. Так написал хозяин. Мобильный интернет добывает из Барыша.

Других вариантов никаких нет.

Двери в покои Баси и Кешы вели через его комнату – номинально она была залом, но это и хорошо – в пути он думал о том, как же всем поселиться, чтобы было удобно еще и работать.

Кеша выскочил из комнаты:

– Дядь Юр, ой, Юрай, билета точно нет, я все проверил!

– А книга какая? Надо же будет объяснять кому-нибудь, как его найти.

– Да у него там одна книга на всю комнату! – следом в зале появилась Бася.

Юрай хотел засмеяться, но передумал.

– Смотрите, там кто-то пришел к нам! – сказал Кеша.

Юрай глянул в окно, оставшись сидеть на кровати. Очень удобно.

Видно было, что за палисадником стоит у забора какая-то девочка в джинсах и темной футболке. Волосы в черном платке, в руках прямоугольный предмет – тетрапакет.

– Идемте на крыльцо, здесь так принято. – Юрай открыл дверь, и все вместе они вышли на крыльцо, не обуваясь.

– Здравствуйте, – сказала девочка, то ли слегка полноватый подросток, то ли уже маленькая восточная женщина с черными глазами на крупном лице. – Салам алейкум!

– Улейкум ассалам, – ответил он, – как вас зовут?

– Я Манана. У нас магазин здесь, если что надо, приходите! Я вам молоко принесла. Вы из Алма-Аты приехали?

– Ну, это долгая история, – сказал он. – Да вы заходите на крыльцо, и спасибо большое за молоко! Меня зовут Юрай.

Бася усмехнулась, весело глянула на отца. Меня зовут Бася, – сказала она, принимая тетрапакет из рук девочки. – Классная футболка. У меня тоже такая была... – и добавила тактично, жалко, что уже ее нет.

– Меня зовут Кеша, приятно познакомиться, я не из Алматы. – Юрай заметил, как повзрослел голос племянника. В детстве был капризный и визгливый. Теперь в нем просвечивали ноты мужской уверенности.

– Бася, ты же не мусульманка, да?

– Ладно, вы тут пообщайтесь, а мне надо вещи разобрать на кухне, – сказал Юрай. – Манана, оставайтесь на ужин с нами. У нас пирог. Вы же недалеко живете?

– Нет, я с соседней улицы. Я могу все показать, кстати!

– Спасибо, я не первый раз здесь, но, если покажете Басе и Кеше, буду вам благодарен.

Он действительно пошел на кухню. А потом в огород, через задний двор. Посмотреть на баню. Хотелось в баню. С деревянным запахом распаренного сруба и ландышевого шампуня. Рядом с баней колодец с мутноватой водой, пахнущей чешуей языческих богов и малиновыми листьями.

«Все, кроме ландышевого шампуня, надо в кладовке у деда глянуть», – подумал Юрай.

2.

Был третий вечер в деревне, критический момент. Когда даже ему самому показалось, что они точно не выдержат здесь месяц. В деревне ничего не происходит веками. Особенно в Чувашской Решетке. Последнее запомнившееся событие – как гнали в девятнадцатом веке каторжников в Сибирь, отсюда и название – Решетка. Недалеко есть и Заводская Решетка – следующая остановка в пути, и так до самой Сибири. То, что мир за пределами деревни все так же живет, обозначают уверенной линией проносящиеся поезда. Если подойти ближе к насыпи, можно читать направления. Он помнил другие надписи: Ташкент – Ленинград, и поезда на Москву. Можно было высчитать, в какое время какой пассажирский поезд проедет. Только товарняки двигались по собственному расписанию. Ни те, ни другие в деревне не останавливались. Железная дорога создавала фон, когда он пытался работать за столом. Даже музыки не надо. Но пока не шло. За весь день одна хорошая новость – из Москвы сообщение: билет передадут поездом с Викой, знакомой. Надо будет ехать в Барыш, на станцию. Обратный путь из деревни в Алматы когда-то начинался отсюда. Кто-нибудь из родственников, проезжая мимо, забирал их с братом и еще несколько банок с консервированными грибами. Стоянка поезда три минуты.

Ребята закрылись каждый в своей комнате, скоро надо было звать их ужинать. Ложились здесь рано. Перед сном сидели на крыльце. Изредка мимо проходили соседские старушки. Здоровались, но редко заговаривали. Как будто знали все и так.

– Юрай, можно я завтра в сторону Барыша схожу?

Кеша вышел из своей комнаты, держа в руках телефон, как будто решил что-то показать.

– Почему только в сторону, в Барыш не хочешь? Сходим.

– Я с пацаном в контакте познакомился из Барыша. Заобщаемся. Давайте я его приведу к нам, если захочет.

Он взвесил риски. Но никаких особенных рисков в голову не приходило.

– Да, давай. Приходите. К обеду?

– Ой, да, я его обедать позову.

На обед вареная картошка с курицей и салат.

Все уже было готово, а Кеша еще не появился. Юрай написал сообщение. Скоро будем.

– Так, значит, гостей ждем, – сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Бася время от времени выглядывала в окно. Одевалась она всегда продуманно. Приди гости в любой момент, переодеваться не побезит.

– Кто-то пришел! – она пошла открывать. – Это Манана.

– Зови ее тоже за стол, – сказал он внезапно.

– Ну, конечно, позову.

Девочки вернулись вместе. Манана оглядывалась в зале.

– Какой у вас компьютер современный, – сказала она Юраю, поздоровавшись.

От Мананы можно было бы ожидать акцента в голосе, но никакого акцента не было, говорила она точь-в-точь как местные деревенские девчонки в детстве. Слегка тянула речь и могла запросто закончить фразу словечком «чайть».

Они услышали шаги на крыльце, потом скрип двери, и в комнату вошли, смеясь, Кеша и светловолосый парень, примерно его возраста, только худой и длиннорукий. Такое впечатление складывалось из-за того, что одет он был в джинсы и джинсовую рубашку с длинным рукавом, какие обычно закатывают по локоть. Ее можно было даже назвать винтажной.

Сразу представился – Дима.

Перезнакомились по пути на кухню, проходя сени. Наверное, для такого случая можно было бы обед перенести в зал, но как-то никто не подумал об этом, и сели тесно, но дружно.

Передавали тарелки с парящей картошкой, Юрай радовался, что настроение у ребят уже совсем не вчерашнее. Дима рассказывал про Барыш. Потом они с Кешей переглянулись, и он, с молчаливого согласия, рассказал, что встретились на нейтральной территории между Барышом и Чувашской Решеткой. Потому что барышские пацаны – отдельная история. Мирные, но есть свои ритуалы. А на нейтральной территории можно с кем хочешь встретиться.

Манана добавила: можно со мной в Барыш пойти, я всех знаю. Там и молодежи-то не много. Не тронут нас.

– А кто в курсе, что недалеко отсюда есть красное озеро? – Юраю пришла в голову идея.

Оказалось, что ни Манана, ни Дима ничего толком не знают, но Манана что-то там слышала.

– Что за красное озеро, Юрай? – спросила Бася, глянув на него так, что он даже растерялся.

Но вспомнил о правилах тут же.

– В Поливаново есть озеро с красной водой в лесу, идти недалеко. Мы купались там в детстве.

– Так вы тут в детстве бывали? – спросил Дима. Разговорчивый, открытый парень, не по возрасту серьезный. Хорошая компания, подумал Юрай.

– Да, несколько раз приезжал. На деревню к дедушке. Ничего не поменялось. Надеюсь, и вода в озере еще красная. Давайте съездим на днях? На машине до Поливаново. Потом пешком, через лес. Кто за?

– Может, не стоит в лес? – Манана произнесла это как-то осторожно. Юрай подумал, что, наверное, это влияние родителей.

– Там сосны, лес просматривается на километр. Он светлый, как холл в гостинице. Не заблудимся.

– Я спрошу у родителей. А когда едем? – «Значит, так оно и есть», – заключил Юрай.

Правило было простым – ничего никуда не откладывать. Всего месяц. Ехать решили завтра же. Но утром пошел дождь, и пришлось отменить, вернее, перенести озеро на один день.

К обеду еще моросило, ни Бася, ни Кеша не захотели выходить из дома. По комнатам не сидели. Играли в карты в зале при свете лампочки. Юрай нашел в кладовке резиновые сапоги подходящего размера и решил, что ничего плохого не случится, если он их немного позаимствует. Гулять с зонтиком по деревне глупо, и он просто облачился в куртку, накинув капюшон. Сапоги очень пригодились. Главная деревенская обувь в такую погоду! Единственное, что позволяло передвигаться по размокшему бездорожью. Но он быстро миновал колодец, шоркая по траве, пересек коричневую грязь дороги, и дальше уже шел рядом с тропинкой, превратившейся в грязную колею. Начались старые плодовые деревья, скрюченные, просевшие, он вспомнил фразу «деревья умирают стоя», но содержания отыскать в памяти не мог, отвлекаясь все время на то, что эти деревья уже умерли, но существуют. В пустыне они давно бы уже ссохлись. Впрочем, в пустыне и не бывает яблонь и черешен.

Он вышел к берегу речки, туда, где был брод для стада. В таких сапогах не перейдешь. Капли били по поверхности воды, наполняя следы копыт, которыми был исколот песок на обоих берегах. Вдруг Юрай услышал звонкий лай, потом топот, и с того берега в воду ворвалась сначала одна копына брызг, а почти сразу за ней другая.

Крупные собаки стали резвиться, кусать друг друга, но видно было, что эти собаки – друзья. Лайка наверняка радовалась погоде, а вторая собака радовалась за компанию. Когда они выскочили на противоположный берег и начали по-собачьи отряхиваться, Юрай предусмотрительно отошел подальше.

На том берегу показался хозяин собак, в сапогах-штанах, какие носят рыбаки, легко перешел вброд. В зеленой куртке без капюшона. Седые волосы липли ко лбу, и, что поразительно, он держал в зубах зажженную сигарету. Капли не сбивали огонь. Такое умеют только те, кто курит давно.

– Здравствуйте, – Юрай подал руку.

– Добрый день, – незнакомец поздоровался, – спокойно, Чанг, Ханг, бесы!

– Вот вы меня и с собаками познакомили.

– Они умные, не тронут, – сказал незнакомец. – Я – Юрий.

– Я ваш тезка, – сказал Юрай.

– Это какая деревня?

– Чувашская Решетка.

– Ясно, ясно, у вас церковь новая.

– Да, лет пять назад открыли.

– Открыли...

– Что-то я вас здесь не видел раньше, приезжий? – новый знакомый резко хлопнул ладонью по мокрым штанам, и собаки, собравшиеся было украдкой снова залезть в воду, присмирели, высунув языки.

– Что-то я вас тоже раньше здесь не видел, – засмеялся Юрай.

– Да, хороший ответ. Я живу в Степановке, знаете?

– Далековато вам еще гулять.

– Ничего, собаки любят такие прогулки. Даже в дождь.

Юрай заметил, что псы переглядываются, ждут, когда же хозяин наговорится. На него они внимания не обращали.

– Им здесь хорошо.

– Здесь всем хорошо. Деревня. – Новый знакомый достал из кармана целлофановый пакет, там уже виднелись несколько окурков. Он бросил туда еще один. Юрай не заметил, когда погасла сигарета, но дыма не было. Значит, все-таки дождь.

– Ну, всего доброго, – сказал Юрий и свернул вдоль речки. Собаки сорвались с места и тут же скрылись в кустах, слышен был только лай.

– До свидания, – сказал Юрай вслед компании.

3.

Следующее утро было таким, будто предыдущего дня и не существовало. Даже трава просохла под ярким солнцем. В открытый багажник машины медитативно влетел шмель, сделал круг по салону и спокойно воспользовался водительским окном, чтобы отправиться дальше. Они сложили две сумки, дождались Манану, которая пришла налегке, заявив, что купаться она не будет, и выехали по направлению к Барышу. Из окна автомобиля мир кажется другим, появляется куча возможностей остановиться на пару минут где угодно, правда, никто их не использует.

Проехали Барыш и на дальнем переезде забрали Диму с рюкзачком. Бася сидела на переднем, остальные уместились сзади, смеялись каким-то дорожным шуткам, о которых потом не вспомнить. До Поливаново оказалось езды полчаса. Юрай смотрел карту, знал, что до самого красного озера, и даже вдоль его берега теперь проложили трассу, это слегка разочаровало, но он решил воспользоваться лесной тропой через. О трассе, конечно, никому ничего не сказал. Машину оставили на окраине деревни, и дальше уже шли пешком километра три, сначала по широкой просеке, а потом тропинка повела среди высоких сосен. Торжественный светлый и веселый лес – солнце играет в верхушках, и когда идешь, слышно, как где-то над головой трещат и обламываются ветки, но ничего не падает. Под ногами тоже своя жизнь. Трухлявые сине-фиолетовые грибы, ядовитые, наполненные спорами, и если пнуть, облачко спор выстреливает синим, а если попадается грибница – то уже целая туча, не выше колена, как бесшумный выстрел мушкета. Все увлеклись поиском синюшек. Пинали уже наперегонки. Потом захотелось петь, и спели, не хором, каждый свое. Оказалось, что у Мананы хороший голос. Она старалась. Сосновый лес создает интересную акустику. Не глушит звуки. Как концертный зал. Только не все слушатели рады новым чужим голосам.

Попадались и обычные грибы, но собирать их не стали, никто не умел отличать ядовитые от съедобных. Вроде, этот похож на подберезовик, но берез нет, а этот – белый, но вот растут ли белые грибы в соснах?

– Ну, вот это уж точно съедобно! – Дима сорвал с низкого куста дикую малину. Скоро ее стало попадаться все больше, и еще земляника кое-где.

Набредли на небольшое болото, и рядом старое кладбище с проржавевшими металлическими памятниками без надписей. Только ржавые звезды сверху. Но две могилы ухоженные.

– Болото означает, что озеро близко! – заключил Кеша.

– Я уже вижу, кажется, – сказала Бася, – вон там.

– На озере еще водокачка должна быть, или была, – Юрай дороги не помнил, но тропинка больше никуда вести не могла.

– Значит, и купаться можно, если воду берут питьевую, или наоборот – нельзя! – Дима нес синий рюкзак на спине. Юрай и Кеша по сумке. Девчонки шли налегке.

Озеро открылось неожиданно. Все такая же вода цвета компота. Большое. Деревья подступали к самой воде, только трасса шла по высокой насыпи на том берегу.

– Так мы доехать могли! – Бася показала на дорогу.

– Ну, тогда без романтики, можно вообще на парковке багажник открыть и перекусить, – Юрай поставил сумку в траву.

– Вода красная, жуть, – Манана сидела на берегу. Боялась опустить руку в воду.
– Это из-за одноклеточных водорослей. Я купался несколько раз, видите, ничего вот. Только видеть стал в темноте, – Юрай прикидывал, куда бросить подстилку.

Сдержанно засмеялись.

– Давайте сразу перекусим, – Кеша начал разбирать вторую сумку.
– Обязательно, – я проголодался, кто еще? – Юрай разулся и приминал расстеленное одеяло, трава хрустела под ногами.

Достали бутерброды, вареные яйца, колу, просто резаный хлеб, огурцы и помидоры, все в центр стола, на пакет.

Купаться решили все, кроме Мананы, та сказала, что будет стеречь продукты.

– Хорошо, зайцев отгоняй! – Дима первым вбежал в воду.

Глубокое озеро. В паре метров от берега начинался обрыв. Дно илистое. Плавать умели все, мальчишки даже ныряли с головой. Юрай и Бася в стороне.

Нижняя ветка высоченной сосны склонилась над водой чуть дальше, там, где кусты подходили к самому берегу. Кеша полез на нее первый. Потом Дима. По очереди стали нырять. Бася не хотела мочить волосы, глядела на мальчишек и хохотала.

– Хорошая у вас компания, правда? – спросил Юрай.

– Да, классные чуваки, и Манана, – они наблюдали, как Манана добросовестно исполняет свой долг на берегу. Сидит на краю одеяла, поджав ноги, и осматривает лес. С комично серьезным лицом.

– Сейчас снова проголодаемся, вода холодная, – Юрай поплыл на спине. Он вспомнил, как они с Басей попали под волну на Самуи. Сколько ей тогда было? Два года. Накрыло у самого берега так, что потеряли панамку. А она смеялась. С тех пор воды не боится совершенно и плавает прекрасно.

Он гордился дочкой, такой рассудительной и задумчивой, а иногда беззаботно веселой.

Вышли на берег, сразу в полотенца.

В будний день на озере никого. Только изредка проезжают легковые по трассе.

– Давайте зажем еще чего-нибудь, я – за! – Кеша топтался по траве босиком, она кололась, да еще и сосновые иголки липли к ступням.

– Я тоже готов, тоже за! – Дима уже оделся.

– Дим, откуда у тебя такая «г», а? – Кеша сел рядом с Мананой, которая раскладывала оставшееся – хлеб, отдельные колесики колбасы и несколько яиц.

– Я не в Барыше родился. Я из Сум. Там все так говорят, ничего особенного.

Юрай посмотрел в лес.

– Давайте есть, хорошо, что хлеба много взяли, – Кеша взялся разливать колу из большой бутылки по стаканчикам.

– Семья сама из Барыша, – Дима тоже на хлеб налегал, – у них и своя дочка есть. Саша.

– Сколько в школе у вас в Барыше учеников? – спросила его Бася.

– Не много, в моем классе шесть человек. Три девчонки, три пацана. В младших побольше. Барыш растет понемногу. Завод вон открывают лесоперерабатывающий.

– А я решеткинская, – сказала Манана, – учусь в Барыше, а началку у себя заканчивала, нас было пятеро в классе.

– Родители переехали в Решетку, папа осетин, мама вообще из Грузии. Давно уже переехали, – Манана сощурилась. Солнце повисло, казалось, над самым озером.

– И чем вы занимались здесь раньше, Юрай? – Бася сидела в тени дерева. Удобно. Нашла пенек.

– Запруды строили и рыбу в речке ловили бреднем, могу научить, – Юрай чистил кругляш колбасы в пакет, – в индейцев играли, шалаши строили. В лес ходили за грибами. Тогда можно было набрать любых и отдать бабкам, они разбирались. Потом солили. Кинотеатр был в клубе, индийские фильмы. Продолжать?

– Ладно-ладно, из всего этого я лично согласен на рыбу, – сказал Кеша.

– Договорились! – сказал Юрай.

Закат сперва висел над ветлами и подсвечивал крыши товарняков золотом, как будто это ехали сундучки, а чуть позже, когда пассажирские составы пронеслись уже с освещенными окнами, он заглядывал в просветы между вагонами и исчезал за посадкой. После заката сразу становилось прохладней. Но, набросив куртки на плечи, еще можно было сидеть на крыльце. Они удивлялись, как местные ходят без фонариков. Окна горели далеко не в каждом доме, попадались закрытые или даже заколоченные.

Кто-то подошел к крыльцу бесшумно. Мужчина.

– Добрый вечер, Юрий дома?

Мужской голос. Лица было не разглядеть.

– Это я, добрый вечер, – ответил Юрай, – сейчас калитку открою, заходите.

– Не надо калитку, это отец Мананы. Почему вы ее в лес возили без спросу? Кто вам разрешил?

Тон резкий.

Юрай пытался сообразить.

– Манана часто у нас бывает, мы с моими детьми ездили, простите, ради бога. Даже в голову не пришло.

– Одно дело в гости приходиться... – продолжил мужчина, не снижая тона.

– Хорошо, это моя вина, – Юрай тоже повысил тон.

Бася и Кеша сидели, подавленные ситуацией.

– Так больше не делайте. У нас свои традиции.

– Хорошо, я вас понял.... – Юрай ждал, что мужчина назовет имя, но он так и не представился.

Просто исчез в тот момент, когда загудел следующий поезд.

– Да, надо было спросить, конечно, – сказал Юрай.

– Я думала, родители в курсе, куда она поедет. Бедная Манана, ей, наверное, досталось, – сказала Бася.

Кеша промолчал.

Следующее утро пришло, осторожно, но внятно постучавшись в дверь. Юрай подумал, что ему снится этот стук. Но когда из своей комнаты вышел Кеша, уже одетый, но с растрепанной головой, проснулся окончательно. У крыльца стояла Манана, улыбалась: – Извините, у нас все рано встают, я не подумала, что вы еще спите.

– Манана, как дела? Заходи, – сказал Кеша.

Юрай слушал этот диалог из сеней, одеваясь. Вышла Бася.

Кеша заглянул в зал:

– Там Манана пришла, у нее пирог, давайте на кухню, мы там будем.

– Поставь чай, – крикнул Юрай, – сейчас придем.

Посреди кухонного стола стояло круглое блюдо, покрытое белым полотенцем, и на нем лежал тот самый пирог. Запах невероятный – свежая выпечка и сыр. Во главе стола с видом именинницы сидела Манана, щеки ее горели.

– Привет, Манана, – что за вкуснятина? Ну, ты даешь, – сказала Бася.

– Привет, – поздоровался Юрай, – вчера твой папа приходил, ты в курсе, наверное.

– Да, я знаю, это от папы вам пирог, правда. я сама готовила. Он просто очень за меня переживает, он такой!

– Как и любой нормальный папа, – сказал Юрай, – я его понимаю. Надо было мне сходить к твоим.

– Вы что, он бы не отпустил меня!

Бася помогла расставить тарелки, Кеша наливал всем чай. Достали колбасу и молоко.

– Откуда вы знаете, что чай лучше с молоком пить? – спросила Манана.

– Ну, это же казахская традиция, – сказала Бася, – что за пирог? Пахнет сыром. Я его сфотоаю.

– Осетинский пирог, сыр и зелень, правда, мама говорит, что надо не петрушку, тогда вкус другой. Тыфу, забыла название травы.

– Жалко Димка не попробует, – сказала Бася.

– Ладно, я еще сделаю, это вообще не трудно, – ответила Манана.

– Если мы куда-нибудь соберемся, я схожу к отцу, у нас хорошая компания, – сказал Юрай.

Пирог хрустел.

– Меня только в лес не пускают, а так... – начала Манана.

– А что с лесом? Туда за грибами ходят, зверей нет. Технически это и лесом назвать нельзя.

– Точно, там же трасса, – добавил Кеша.

– Я должна вам рассказать. Только это тайна, хорошо? – пирог закончился, и Манана сложила полотенце аккуратно.

– У нас в магазине можно купить чачу. Нашу.

– Это все знают, Манана, извини, – сказал Юрай.

– Иногда ее покупает странный человек, мужчина, не из деревни. Родители говорят, что он живет в лесу.

– Так, – сказал Кеша.

– Так, – сказала Бася.

– В лесу живут беглые, – закончила Манана.

– Вот это новость, – Юрай задумчиво уставился в пустую тарелку.

– Давно он к вам заходит?

– Я не знаю, отец сказал, в лес нельзя. Еще весной. Когда барышские звали.

– Полиции надо сообщить, это их ответственность.

– Вы что! Тогда родителям точно достанется! Вы обещали никому не говорить.

– Да, обещал.

Юрай посмотрел на Басю и Кешу и добавил: в деревне собаки – лучшие сторожа. Сразу лают. Он почему-то вспомнил мужчину, которого встретил в дождь на речке.

Когда Манана ушла, Юрай, Бася и Кеша усьелись на крыльце, и тишина уже не казалась такой идиллической. Юрай стал осматривать дверь. С обратной стороны болтался огромный крючок, который они набрасывали на петлю к ночи. Но удар в дверь наверняка или петлю выбьет, или крючок просто соскочит.

Была еще дверь, ведущая на задний двор. Перепрыгнуть шаткий забор огорода и попасть мимо бани внутрь – раз плюнуть. Там тоже крючок, совсем хлипкий. Условный.

– У нас во дворе будка есть, – сказал Кеша, – я ее сразу заметил, когда приехали.

– Понимаю, о чем ты думаешь, но собака – большая ответственность. Можно ли вообще арендовать собаку? Здесь. – Юрай подумал еще и об оружии. Закон запрещал любое оружие, даже газовые баллончики.

– И бездомную собаку на месяц не возьмешь, жалко ее, – Бася тоже подключилась.

– Знаете что, давайте не будем с ума сходить. У нас соседи, там собаки, и вообще, мы что, уже к нападению готовимся? – Кеша занервничал.

– Юрай, расскажи лучше какую-нибудь историю про деревню. Я только за кофтой схожу, – Бася соскочила с перил.

Эта просьба застала Юрая врасплох. Ответственность за детей вселила холодок тревоги.

– Какую историю, Бася?

– Ну, давай, какую-нибудь страшную, чтобы перебить эту. Есть же такой метод.

Юрай задумался. Тогда расскажу про собаку и моего двоюродного брата.

Дождались Басю. Юрай думал, как начать.

– Давным-давно...

– Не, давай по-другому, что еще за начало, – Кеша засмеялся. Тревога рассеивалась.

– Ладно, помню, что здесь у всех были собаки. Некоторые коров на пастбище гоняли. Злые на цепи сидели, а остальные во дворе бегали. Но, такая вот оговорка. Учтите, что это деревня. Здесь другое отношение к животным. Например... – Он подумал, стоит ли говорить...

– Например, дети могли, если надо, отрубить топором голову курице. Когда ее на суп забирают. Такая жизнь. Животных держат все, или держали, но и забивали тоже. Это как охота.

– Нет, не как охота, – там состязание с диким зверем, а тут без шансов, – Кеша возразил.

– Так, да, охота не совсем точный пример, хотя у охотников такие средства, что у зверя тоже шансов мало.

– Есть хотя бы шанс не встретить охотника, – резонно заметила Бася.

– Так вот, у нашей соседки была собака. Рыжая. Дворняга. Ну, лаяла, и достаточно.

Но вот эта собака почему-то стала давить кур. То есть охотиться на кур во дворе. Может, у нее инстинкт проснулся, никто не знает. Соседке, в общем, не понравилось, и она попросила моего двоюродного брата увести собаку куда-нибудь. За банку лимонада. Трехлитровку. Все это было поздней осенью. Братец привязал собаке веревку вместо ошейника и увел в лес. И там оставил. Он не какой-то там живодер, но ему поручено. В деревне вырос. Или куры, или собака.

Короче, собака вернулась той же ночью. Соседка даже обрадовалась. Сказала, что лимонад возвращать не надо, а уже и возвращать было нечего.

Неделю собака не убивала кур, а потом снова начала. Дура.

Соседка попросила сделать что-нибудь. Все что угодно.

Братец потребовал новую награду. Любую. Но она спорила с ним, говорила, что дважды за одно и то же платить не будет. Начала орать.

Тогда он забрал собаку на веревке, завел в лес и там повесил на суку, на этой же веревке.

– Вот ужас! – Бася даже передернулась.

– Так, я предупреждал, что это не город. Собак любят, но домашнее хозяйство кормит.

Видимо, братца не отпускали мысли о несправедливости, которую по отношению к нему допустили.

Следующей ночью, ну, не ночью, хотя никого не пугало в лес ночью пойти, поздно вечером он вернулся туда, забрал труп собаки, принес и поставил на пороге у двери соседки. На шее так и болталась веревка.

Утром соседку увезли в больницу. Ей сделалось плохо. А братцу пришлось эту собаку еще и закапывать за огородом.

Вот такая история.

Повисла тишина.

– И к чему ты ее рассказал сейчас, Юрай? – спросил Кеша.

– Ну, вы же просили. Давайте будем думать, что нас охраняет дух рыжей собаки.

– Только не говори, что соседка в этом самом доме жила. Я спать не буду. Я и так не буду спать,

– Бася вздохнула, когда пронесся темный товарняк.

Вернув привычную реальность.

Немногочисленные окна соседей гасли – ложились довольно рано.

Где-то залаяла собака, но сразу же и перестала.

Спалось в эту ночь плохо, тревожно. Юрай считал поезда. Как в детстве. Не помогало.

На всякий случай, тайком от всех, он притащил со двора топор и спрятал под столом в зале, прикрыв дорожкой.

Это немного успокаивало. Поездку в лес отменили.

4.

– Юрай, ты же обещал экскурсию, и что, местные достопримечательности на таком небольшом расстоянии, да? – они остановились у почерневших ворот дома, пятого по счету от того, в котором жили.

– Мы-то готовились, эх, – добавила Бася саркастически.

– Так, ну, во-первых, обратите внимание на сооружение дальше по улице, оно называется – колодец. Понятия не имею, есть там сейчас вода или нет, но раньше точно была.

Поросший вокруг крапивой колодец торчал посреди улицы, или того, что условно можно было принять за улицу, хотя бы по той причине, что время от времени они проезжали здесь на машине. Одна сторона улицы определялась заборами домов, а другая – очень условная – утопавшими в плетущих кустах сараями и бывшими банями, между которыми легко можно было пройти к линии высоких ветл, а за ними уже начиналась насыпь железной дороги.

Бася сразу окрестила это место «Шир на минималках».

– Мы уже видели, что это колодец, – сказала она, лучше не пить из него. Они покупали в магазинчике у Мананы воду в пятилитровых бутылках, и понятия не имели, откуда ее берут остальные.

– Итак, когда в колодцах еще была вода... – начал было Кеша.

– Это дом моего деда и бабки, и ваших, получается, прадеда и прабабки, – ответил Юрай без эмоций.

– Круто, и здесь никто сейчас не живет? Мы можем зайти? – Кеша подошел к крыльцу. Бася за ним.

– Да, давайте попробуем. Двоюродная тетка перебралась в Барыш, она мне сама предлагала зайти сюда, – он промолчал о том, что тетка Вера даже предлагала остановиться в доме. Но, представив, сколько было бы возни с давно не жилым помещением, он просто пообещал позвонить, рассказать, как и что.

Дверь не заперта, свет не работал, но дневного, проникавшего сквозь пыльные стекла, было достаточно. Дом напоминал затонувший корабль, лежащий на небольшой глубине, где лучи солнца еще легко проходят сквозь воду. Они зашли в зал. Там спал старенький телевизор, скатерть на столе была аккуратно свернута вчетверо и лежала посередине. Кровать деда за занавеской. Он вспомнил, как дед громко зевал, засыпая. Пока Бася и Кеша вертелись в зале, разглядывая посуду в шкафу, отдернул занавеску. Там, на кровати, были свалены подушки, еще перьевые, и запах не очень. Но если вынести подушки, дом, наверное, мог бы сойти за вполне жилой. Чувствовалось, что тетка время от времени приезжает сюда.

– Так, идемте в легендарную кухню.

Они вышли в коридор с крашенными коричневой краской полами, облупившимися посередине. Три высокие ступеньки и поворот вправо, на кухню. Но сразу за поворотом толстая железная бочка, со свинцовым отливом.

– Ого, а это что такое? – Кеша заглянул внутрь бочки, – похоже на центрифугу.

– Точно, это медогонка, дед был пчеловодом у нас. Меда всегда полно.

– И пчелы его не кусали? – Бася оглядывалась в темных сенях.

– Почему, кусали вроде, не помню. Он в сетке выходил к ним. Улей прямо за кухней стоял, мы еще боялись этих пчел.

Бася показала на изогнутый продолговатый предмет в углу: – Лошадей держали.

– Это коромысло, – сказал он.

– Серьезно? Колодец, коромысло, что еще осталось по плану, – она, похоже, обиделась, что так ошиблась напоказ.

Кеша не обратил внимания, он уже заходил в кухню.

Шкафчики заботливо закрыты, дедов самовар на отключенном холодильнике, стена побеленной печки покрытая слоем пыли.

– А давайте как-нибудь придем сюда на обед? Надо только подмести и окна протереть, – предложил Кеша.

– Давай, готов подметать тут? – энтузиазма у Баси оказалось поменьше.

– Идемте во двор, – сказал Юрай и вышел, откинув кованый крюк с петли.

Навесы во дворе стремились соединиться в центре, над головой. На стены давили остатки гнилого сена под крышей. Стропила еле держались. Все это грозило обвалиться, а следом и дом за собой утянуть.

– Кеша, давай как-нибудь попробуем здесь подпорки поставить повыше, а то смотри, скоро все завалится.

– Да, можно, жалко дом, Кеша старался не провалиться кроссовками в дыры между досок, застилавших пол.

Во дворе, там, где раньше могла уместиться телега, а реже машина, валялись рядом пень и ржавый топор.

Юрай подошел к деревянным синим дверцам в стене дома. Никакого замка. Он открыл обе створки и заглянул внутрь – дедовский «Иж» на месте. Корпус и коляска лазоревого цвета. Мотоцикл, как и все вокруг, покрыто слоем пыли. Он пригнулся, чтобы войти, взялся за ручки и мягко вывел его во двор.

– Так, – сказал Кеша, – вот это совсем интересно. Надо сфотаться на нем. – Он полез за телефоном.

– Давай я сфотою, – сказала Бася.

– Что, если покатаемся? Кеша, помоги открыть ворота, – Юрай открыл засов ворот.

Открыть сами ворота оказалось делом сложным, массивная балка – бревно и конек над ним – вдавили ворота в землю. Пришлось постараться.

Юрай выкатил мотоцикл со двора, Бася принесла из кухни тряпку, и пока они с Кешей протирали пыль, пытался завести. Не получалось. Не было бензина. Он сходил и принес из багажника небольшую металлическую канистру с бензином.

– У тебя и бензин заготовлен! Сюрприз готовил, да?

– С самого начала вас покатасть хотел. Давай, открывай бачок.

Юрай залил почти всю канистру в пустой бак. Он никогда не водил такой мотоцикл, тем более с люлькой. Ездил с дедом, сидя в ней, даже по трассе. Резко нажал педаль, вывернув ручку, и мотоцикл, наконец, завелся, дернувшись вперед. Сначала работал рывками, а потом увереннее.

– Сейчас сам проедусь, – сказал он, – ностальгия.

– Давай, мы снимаем, – Бася приготовила телефон.

Люлька придавала мотоциклу устойчивость, ничего сложного, только почувствовать ручку скорости. Сильно не газовать. Звук душераздирающий.

Проехал за колодец и там развернулся.

– Садитесь, – сказал обоим, но за спину уселся Кеша, Бася продолжала снимать.

Объехали еще круг за колодец и остановились у двора.

– Бася, давай садись, покачу на дедовском «Иже».

Она села за ним, обхватив за спину обеими руками. Кеша запрыгнул в люльку.

На этот раз поехали в другую сторону, к своему дому и дальше, почти до переезда, там развернулись на асфальтированном пяточке и назад. Местами трава шуршала по дну люльки странным звуком. Новым.

– Можно, я сам прокачу Басю? Попробую, – спросил Кеша.

– Давай, – сказал Юрай, и сразу немного испугался. Но потом решил, что ничего опасного в целом нет.

Бася сначала отказалась, сказав, что надо сначала ее спрашивать, и первый рейс, резко дернувшись с места, Кеша совершил один. Восьмеркой вокруг колодца, до переезда и обратно. Пролетел скорый, заглушив звук мотоцикла на минуту. В поезде уже светились окна.

Кеша смеялся, вернувшись. Следующий рейс они сделали уже с Басей, расположившейся в люльке, чтобы поснимать по пути.

– В люльку больше не сяду, такая неудобная, – заключила она.

Мотоцикл закатали на место и ушли, закрыв ворота.

Потом сели ужинать и ели задумчиво. Юрай решил, что ребятам хватило эмоций.

Первое время ночные поезда мешали всем заснуть, отблески окон вагонов в стекле, да еще и локомотив иногда сигналил, подъезжая к переезду. Шкаф позвякивал фужерами, и легонько трясло. Через несколько дней ко всему этому привыкли. Спалось здесь прекрасно.

Юрая разбудил звонок, не мессенджера, где были установлены мелодии, а телефона с резкой стандартной музыкой.

– Да, слушаю, – звонили с российского номера.

– Доброй ночи. Молодой человек по имени Иннокентий – ваш родственник?

Приятный уверенный женский голос.

Четыре часа ночи. Разводка какая-то.

– А что случилось?

– Говорит пост «Барыш», старший сержант Комарова. Молодой человек на мотоцикле «ИЖ», без прав, дал ваш номер.

– Погодите, секундочку.

Он встал с кровати и заглянул в комнату Кешы. Кровать была расстелена, но сумка с одеждой исчезла, не было и самого хозяина. В одной ночнушке в зал выбежала Бася.

– Что случилось?

– Да, это мой родственник. Документы его у меня.

– Нет, паспорт у него собой. Нет прав, и не может быть. Возраст не тот.

– Да, конечно, я его сам катал днем вчера, вот он и решил проехаться. У меня машина, оденусь и приеду.

– Знаете, куда ехать? – на том конце провода что-то записывали.

– Ну, в сторону Красного Барыша?

– Да, на выезде из города.
– Хорошо, буду скоро, мне недалеко. Он подождал, пока старший сержант повесила трубку.
– Да что случилось? – Бася забралась на его кровать с ногами, чтобы не стоять на холодном полу.

– Кеша тебе ничего вечером не говорил? Просто его полиция задержала на мотоцикле.
– Нет, он ничего не рассказывал, пап.
– Так, дочка, побудь здесь, все с ним в порядке, решил покататься. Съезжу, заберу его, – он начал натягивать джинсы.

– Точно? Я не нужна? Может, я тоже поеду?
– Знаешь что, приготовь нам завтрак хороший какой-нибудь, ладно?
– Ага, может, я вам тогда кофе сварю, американо, да? Подойдет? Из того, что есть, только каша и яичница. Выбирай.

Бася явно окончательно проснулась.

– Давай шакшуку, есть же помидоры? Он достал из сумки доверенность на Кешу и страховку.
– Ладно, пап, привет ему передавай и доброе утро. Я на твоей кровати останусь тогда. Теплая.
– Давай, дочь, спасибо, – он поцеловал Басю в лоб и уехал.

По дороге мимо леса мучали мысли о том, что оставил ее одну в доме. Надо скорее.

Кеша сидел в комнате за большими стеклами поста, Юрай оказался внутри впервые. Перед мальчишкой на столе стоял недопитый фирменный бокал с чаем. Кеша поднял голову, когда вошел Юрай, но невозможно было разгадать взгляда.

Старший сержант Комарова оказалась высокой шатенкой лет тридцати. Она забрала доверенность и вышла куда-то, рассмотрев внимательно паспорт – так вы гражданин Казахстана, надо же.

Он сел рядом с Кешей.

– Неожиданно, – сказал было.

Кеша отвел глаза.

Офицер вернулась и села с другой стороны большого полукруглого стола.

– Поговорить хотите? Идите в машину. Я позову, когда закончим оформление.

– А что вы будете оформлять?

– Вождение транспортного средства без прав.

– Не угон?

– А разве это похоже на угон?

– Нет, конечно.

Они сели в машину. Кеша на переднее пассажирское.

– Что случилось, Кеша? – спросил он.

– Я хотел прокатиться.

– А серьезно?

– Соскучился по отцу.

– Кеша, ну это детский поступок, ей-богу, не хотел этого говорить.

– Но ведь я же ребенок, и полиция говорит, дядь Юр.

Повисла пауза.

– Кеша, он вернется.

– Я знаю.

Снова пауза.

– Еще раз попробуешь уехать? Мне надо за это переживать?

– Не знаю, я человек настроения. Может, уеду.

– А если я тебе помогу оформить выезд к нему?

Он посмотрел на Кешу, теперь все правила улетучились.

– Ты знаешь, где сейчас отец?

– Да, знаю, дядь Юр, мы переписываемся.

– Ну, вот, в Чехию два раза в год устраивают туры с посещением. Можно найти какой-нибудь международный фонд. Могу попробовать. Тебя все равно не пустят так просто. Это исправительный лагерь.

Кеша смотрел в окно, на то, как кошка шла вдоль тротуара парковки, идеально параллельно.

– Я смотрел про такие поездки. Не знаю.

– Будет группа, два дня свидания с отцом не в лагере, в Брно, в городе. У него браслет просто.

Я был в Брно, там есть куда сходить.

– Отец больной, куда ему ходить.

– Брось, он поправляется. Ходить может. Мы же тоже разговаривали.

– Плюс, кажется, неделя в Мариуполе, клумбы пропалывать.

– Я не хочу в Мариуполе клумбы копать, дядь Юр.

Он отвернулся. Выбирал слова. Вспомнил обещание матери не обсуждать эту тему.

– Кеша, он участвовал в войне, всему есть своя цена, понимаешь.

– Хорошо, я обещаю больше не сбегать... Юрай.

– Подумай насчет тура, Кеша, я обещал, надо будет – постараюсь.

Дальше сидели в машине в полной тишине, пока в окно деликатно не постучали.

Старший лейтенант принесла документы.

– Поговорили?

– Да, поговорили, – он вышел из машины.

– И как? Ждать его завтра верхом на коне?

– Нет-нет, что вы, все уладил.

– Да? Ну, надеюсь. – Офицер глянула в машину. – Все, Иннокентий, езжай домой на машине.

Только пока не за рулём. Потерпи, немного осталось подрасти.

Подошел мужчина в темно-серой форме офицера полиции, что-то сказал напарнице.

Она вернула паспорт и доверенность.

– По поводу мотоцикла мы вам на днях позвоним, заберете. Все, инцидент исчерпан. Предупреждение. С добрым утром.

Он забрал документы, пробормотав: «С добрым утром, госпожа офицер». Кивнул и сел в машину.

Не мог уснуть. Слишком светло уже. Тихо встал и оделся в теплое. Стараясь не хлопать дверью, вышел на улицу. Машина стояла у соседнего заколоченного дома. Когда дом бросают, он сразу становится ниже, приседает. Как будто душа, весом побольше чем 21 грамм, покидает его.

Трава была мокрой от росы, а над травой стелился туман по щиколотку. «Как же я буду собирать в тумане?» – подумал он. Сел в машину и вырулил на переезд, потом дальше, к зернохранилищу, откуда они когда-то тащили трехлитровую честно заработанную банку тархуна. Дальше дорога пересекала поле, и начинался настоящий лес. Туда он и направлялся. Не останавливаясь на опушке, попробовал, насколько позволяла грунтовка, проехать еще метров пятьсот вглубь. И все равно это было только начало леса. Еще вполне светлый бор. Некого бояться. Птицы уже проснулись. Тумана здесь не было. Он достал из багажника кастрюльку и пошел между деревьев. Первую землянику нашел быстро, шесть ягод в соцветиях. Обрадовался. А дальше было труднее. Казалось, птицы громко обсуждают человека, то и дело оборачивавшегося в сторону своей машины и периодически наклонявшегося, раздвигая кусты. За час удалось закрыть земляничкой только

дно кастрюльки и попробовать пару ягод самому. Времени больше не было, он вернулся к машине и еще через полчаса оказался на кухне. Снял теплую одежду в коридоре. Посмотрел на дно кастрюли и достал из шкафа эмалированную кружку. В ней собранные ягоды выглядели солиднее.

Сварил яйца и одно съел.

Одновременно спустились Бася и Кеша, виновато глядевший и не заметивший ягод. Бася сразу их увидела. Ух ты! Где взял?

– Привет, – сказал он, – доброе утро, вам собрал.

– Спасибо!

– Сейчас молоко подогрею и засыплю пополам.

– Ой, а можно я так съем лучше? – сказала Бася.

– Если можно, я тоже без молока буду, – Кеша уселся за стол.

– И почему пополам? На три части, – Бася села с другой стороны, потом поднялась, – давай я чаю налью. И шакшуку могу приготовить...

– Да, на троих! Просто я вспомнил, как нам дед с утра такую вот кружку земляники с молоком выставил однажды! – сказал он бодро.

– Ты где ее собирал, Юрай? Спасибо! – Кеша смотрел уже обычным своим взглядом. Слегка исподлобья.

– Недалеко отсюда, – он взял из рук Баси кружку с чаем и поставил перед собой.

5.

Обычно все начиналось с шоу талантов. На сцену выходит ничем не примечательный человек, рассказывает о своей обыкновенной жизни и серой работе, слегка увлекается или наоборот – мнется, жюри мягко подталкивает к мысли о мечте, камера выхватывает сомневающиеся лица в зале. Потом включают фонограмму и поначалу всем кажется, что поет сам микрофон, но через минуту зал охватывает ощущение причастности к волшебству. Жюри активно подыгрывает, вот уже вслед за ними, аплодируя, поднимается весь зал, в конце резко вступает заставка шоу и следующий ролик. Система выдает их сама, искать ничего не нужно, стоит только начать. Иногда интернет зависал, в ожидании загрузки Юрай подливал в бокал красного вина, чаще всего грузинского, и эмоции с экрана смешивались с содержимым бокала совершенно духоподъемно. Потом музыка превращалась в фоновую, и перед его глазами мелькала лента коллег, интервью писателей блогерам, журналистам и друг другу. Многие писали и говорили то, что говорил и писал он, но все его посты и публикации или опаздывали, или собирали небольшую аудиторию знакомых и зависимых от него персонажей. Время от времени он поглядывал на закрытые двери комнат детей. В отблесках экрана казалось, что они приоткрываются. А иногда за окном цепочкой света вагонов проносился неслышный в наушниках поезд, но комнату не качало.

Юрай шел выбрасывать бутылку на задний двор, потом возвращался и валился спать.

6.

Дима стал приходить почти каждый день, телефоны почти отошли на второй план, уступили место разговорам и смеху на крыльце или у колодца. Иногда компания, собрав бутерброды, уходила на речку, на весь день, а Юрай до вечера обычно писал. Или читал то, что под руку попадалось. Перечитал подшивку журналов «Пчеловодство». С огромным удовольствием. Замечательный язык, хоть и довольно формальный. Повеселило то, как редактор приводил в соответствие со стилем все письма пчеловодов. По прочтении складывалось впечатление, что это сплошь начитанные, с некоторым, выходящим за рамки школьного, опытом написания статей, люди. Был уже

вечер, стемнело, и Юрай подумал, что надо всех звать «домой». Про себя он называл так иногда дом, в котором они остановились. При детях так не говорил.

Вбежала Бася, буквально ворвалась в зал с улицы.

– Пойдем, пап, к магазину, скорей!

– Что случилось? Кеша где? – Юрай вскочил.

– Все хорошо, пап. Не волнуйся. Он возле магазина. Там полиция поймала беглого. Ждут журналистов.

– Ну, идем, конечно. Слава богу.

– Тебе Манана что-нибудь рассказала? Папа ее где? – Юрай быстро спускался с крыльца следом за дочерью.

– Да, она рассказала, только просила хранить в строжайшем секрете, – Бася запыхалась. Шли быстрым шагом, хотя, если ждут журналистов, торопиться особенно некуда, подумал Юрай.

– Отец Мананы сообщил в полицию и ждал момента, чтобы им позвонить, когда придет один из беглых.

– Почему ты говоришь «один из», там много их?

– Не знаю, несколько, вроде... Мужики какие-то.

Казалось, они были последними жителями деревни, узнавшими о происшествии. Собрались все, кто мог ходить. Так идут на похороны. Несмотря на то, что уже стемнело.

У магазина стояла легковая полицейская машина. Пустая. Видимо, сами полицейские и пойманный находились или в доме, или в магазине. Кеша и Манана стояли тут же. Манана чувствовала себя героиней. Соседи поглядывали на нее, некоторые пытались расспрашивать. Заметно было, что ей очень хочется рассказать, но она ответила кому-то, что папа все сам расскажет потом и торжественно молчала. Кеша ее прикрывал, выполняя роль телохранителя звезды.

Вдруг Манана перестала быть центром внимания. Подъехала другая машина, за ней еще одна, обе – служебные тонированные минивэны. Следом еще одна легковая машина. Двери минивэнов приоткрылись, оттуда вышло несколько человек в темно-зеленой военной форме, в касках с забралами. С автоматами и подсумками на поясе. Все это выглядело невероятно серьезно, и Юрай снова подумал о том, какой возможной опасности они все подвергались. Наконец из заглушившей двигатель легковой машины вышли двое. Оператор – парень с небольшим штативом и камерой и девушка, оба с белыми бейджами. Журналисты. Посоветовались о чем-то с военными, потом парень отошел, чтобы поймать на камеру и военных, и полицейскую машину, и жителей, и саму журналистку в джинсах и черной кофточке. Та поправила бейдж, позвонила кому-то, и через пару минут из дверей дома рядом с магазином вышли полицейские, они вели под руки бомжеватого мужчину лет тридцати, с неряшливой бородой, в кроссовках. Оператор включил прожектор камеры. Мощный луч, несмотря на размеры. В темноте, в свете окон магазина и камеры все это создавало сочную картинку новостям. Задержанного посадили не в полицейскую машину, ему открыли переднюю дверь одного из минивэнов.

– Остальных поедут брать, – сказал Кеша вполголоса, – у них наверняка тепловизоры. Да и этот сам покажет.

Три машины быстро уехали, громко хлопнув дверьми, словно крупные нелетающие птицы крыльями. Юрай подошел к журналистам.

– Здравствуйте, часто приходится на такое ездить?

– Здравствуйте, бывает, – ответила журналистка.

– Я тоже статьи пишу иногда, – Юрай представился. С фамилией.

– Но вы разве что-то знаете? – поинтересовалась журналистка. Звали ее Ирина. Внештатница.

– Нет, дети позвали, рассказали, что кого-то поймали. – Про Манану он промолчал.

– Наверное, я читала вас, что тут делаете? Отдых?

- С детьми на месяц приехали.
- Здорово.
- Часто сюда вызывают, чтобы знать, чего ждать?
- Вы уже второй раз спрашиваете! Теперь все нормально будет. Не ждите продолжения.

Какой-то старик помахал кулаком, ни к кому конкретно не обращаясь: – Поймали, и что! Сами и виноваты! Тьфу!

- Вот вам и сюжет. Это надолго. – Юрай усмехнулся.
- Мне пора ехать, приятно было пообщаться, хорошего отдыха!

Журналистка села за руль. Оператор уже был в машине.

Свет фар выхватил Манану, Кешу, расходящихся по домам стариков и женщин, клубящуюся в воздухе пыль.

В эту ночь впервые хорошо спалось. Дух рыжей собаки спокойно уснул где-то в лесу.

7.

Лето здесь можно было назвать непредсказуемым по многим причинам. И новые знакомства, уже безо всякого ставшие дружбой, и все события, и дни, когда вообще ничего не происходило, и погода. Иногда дождливая, с туманом, сыростью и внезапным холодом, иногда обыкновенная, с облаками и закатом, такое состояние называют деревенской пасторалью. Но иногда выпадали жаркие дни. Два-три подряд. Угадать их было сложно даже прогнозу погоды. Как раз сегодня был один из таких дней. Все сложилось – заранее договорились пойти на речку, проснулись и поняли, что прогноз не подвел.

Посыпались радостные сообщения в мессенджере, как горох. Потом встретились у запруды.

Кто и когда соорудил эту запруду, неясно. Дима говорил, что это барышские пацаны строили.

Речка была мелкой, по колено, медленной, петлявшей между глинистых обрывов высотой под два метра. Если не придирается – над обрывами дикий лес, карманные джунгли. Сразу за джунглями, правда – колхозные луга. Сам лес гораздо дальше отсюда. Встречались и песчаные отмели, где можно было загорать или просто сидеть. Но купаться в такой неглубокой речке не получится. На повороте одной из извилин кто-то завалил реку бревнами и ветками так плотно, что получилась плотина, вода сама набила ее травой и листьями и поднялась. Получилось небольшое озеро, глубиной по пояс.

Старое зеленое одеяло принесли вместо подстилки. Над обрывом оказалась идеальная поляна, со следами костра. В первый раз пришлось собрать и унести два пакета мусора, и теперь не надо было уточнять, на какую поляну приходить.

– Кто за то, чтобы лезть в воду? – Бася загорала на одеяле. Закрытый черный купальник, ее любимый.

Вопрос привычно уже относился ко всем, кроме Мананы.

- Давайте, я за! – Кеша сидел под обрывом.
- Да, можно, – сказал Дима, – жара, – голосом как в кино.

Дно илистое, и из-за этого вода мутноватая, но можно и не обращать на это внимания. Зато она прохладная.

- Дима, а рыба здесь водится?
- Откуда же я знаю, ни разу не видел, чтобы ловили наши.
- Папа (за глаза Бася звала Юрая так) говорил, что они рыбачили.
- Ну, может и есть мелкая рыба. Водяные крысы точно есть. Они же рыбу едят?
- Серьезно?
- Может, эту запруду они построили или бобры?

– Мы сюда часто ходим, они нас боятся, даже если и были, – заключил Кеша.

– Здесь есть водяные крысы, я сама видела, – сказала с обрыва Манана.

– Мы с родителями ловим рыбу на форелевом хозяйстве, это прикольно, – сказала Бася, – давайте напишем отцу, чтобы приходил рыбачить?

– Кто за рыбалку? – Кеша поднял руку. Все подняли. Единогласно.

Бася написала Юраю сообщение. Позвала помочь с рыбалкой. Тот обещал подойти через полчаса. Заканчивал работу.

– Он все время работает за ноутбуком, – сказал Кеша.

Купаться надоело, сидели на одеяле, сохли и жевали лепешку.

– Мананочка, – твоя мама печет классные лепешки, очень вкусные, – Бася оторвала от круглого края кусочек.

– Спасибо, я передам ей, – Манана заулыбалась, – я тоже помогаю иногда. Хотя там ничего сложного, тесто замешивать надо.

– Ты читала его книжки? – спина Кеши задала вопрос, она блестела от капель воды.

– Читала только одну, он же для взрослых пишет, – сказала Бася, – типа восемнадцать плюс.

– Не люблю книжки, но Юрай молодец, конечно. – Время от времени приходилось отбиваться от слепней. Кеша хлопнул по Диминой спине.

– Эй, больно как, – тот взвизгнул.

– Так, лепешку оставляем, нужна наживка, – заявил Дима резонно.

– Наживка не нужна, – сказал с обрыва Юрай. В руке он держал плетеную корзину.

– Это для рыбы? – спросил Кеша, обернувшись.

– В некотором смысле, – Юрай ухмыльнулся, спускаясь.

– А где ваша удочка? – Манана единственная называла его на вы.

– Ловить будем бреднем. Вот этой вот корзиной. Ни разу не видел, чтобы здесь ловили на удочку. Улов сложим в банку, я ее наверху оставил, Кеш, заberi, будь другом.

Ниже запруды, за поворотом, река сразу становилась шире, что делало ее неглубокой. Юрай закатал джинсы выше колена и спустился в воду. Поставил перед собой корзину, наполовину утопив и приткнув плотно к траве у берега и начал топтать одной ногой перед корзиной по воде, пугая рыбу.

Потом резко поднял бредень, сквозь мелкие щели сбегали потоки воды. Заглянул внутрь. Там было пусто.

– Здесь водяные крысы есть, если что, – сказала Бася.

– Ничего, ее так не поймает. Они умные, – Юрай выдохнул, – кто хочет попробовать?

– А рыбы глупые?

– Рыбы пугливые.

Кеша поднял руку, – я попробую!

– Давай! – Юрай отдал бредень.

Кеша в плавках забрался в воду и выставил бредень у другого берега, стараясь действовать тихо. Потом зашурудил ногой по водорослям, загоняя рыбу.

– Давай, давай! – подзадоривала Манана.

Кеша резко выхватил бредень резким движением к себе. Мелкая рыбеха, блеснув, проскочила сквозь прутья.

– Рыба есть! – закричал Дима, – давай я теперь!

– Забирай, только это так противно. Ногой топтать водоросли.

Дима выбрал другую тактику. Переместившись к противоположному берегу, он шел быстро с бреднем руках, приговаривая: ловись, ловись рыбка, большая, вот такая! Вытащив бредень в третий раз, он заметил двух рыб, бившихся на дне корзины.

– Тащи банку, – закричал он. Кеша спустился с берега с банкой, зачерпнул мутной воды. Теперь там кружились две испуганные особи плотвы.

– Дайте посмотреть! – Девчонки осторожно, будто ценный экспонат, приняли банку из рук в руки.

– Что мы с ними делать будем? – спросила Манана.

– Да ничего, отпустим просто, – Юрай тоже рассматривал улов, – мелкие.

Бася приняла корзину у Димы как эстафету, поставила в небольшой заводи чуть дальше, там, где вода скручивалась в маленькие гольфстримы, и топнула ногой пару раз. Потом плавно подняла бредень.

– Ура, я тоже поймала! – сказала она.

– Молодец! – сказал Дима, – горжусь!

– Круто, – сказал Кеша, – а я больше не хочу ловить, надоело. Все равно же это не улов.

– Смотрите, – Бася показала всем, как на дне бредня извивалась, сверкая, рыбка длиной в ладонь, – крупная.

Потом перевернула корзину и выпустила.

– Жалко их, пусть плавают, – и я, кажется, на стекло наступила.

Она выбралась на берег. Юрай рассмотрел белую полосу по ступне.

– Не до крови, слава богу.

Выпустив рыб из банки обратно в реку, оделись и пошли по тропинке сперва босиком, а потом, сполоснув ступни в ручье, накинули обувь. Вид у компании был живописный, деревенский. Впереди шел Юрай с корзиной в руке, в серой рубашке с закатанными рукавами и поднятых до колена джинсах и в калошах, за ним – Манана в черном платье до щиколоток, с обернутыми красной банданой волосами, босиком. За ними – Дима в джинсах и белой футболке, и Бася тоже в футболке, только черной, с принтом и джинсовых шортах. Позади Кеша нес пустую банку, рукава его бордовой рубашки были закатаны по локоть, холщовые брюки аккуратно подвернуты на щиколотках. На ногах – сланцы.

По тропинке они вышли к началу своей улицы за колодцем.

– Смотрите, – сказала Манана и остановилась. Все сразу остановились.

С другого конца улицы, со стороны переезда двигалась большая процессия.

Группа пожилых женщин и мужчин. Элегантные платья самых разных цветов по соседству с клетчатыми и однотонными бежевыми рубашками. Шляпки, кепки и даже одна зимняя синяя спортивная шапочка.

Человек пятьдесят направлялись напрямик к ним, эмоциональный гул голосов напомнил Юраю сцену из мультфильма про Муми-троллей, когда из словаря, побывавшего под волшебной шляпой, выбежали толпой иностранные слова.

– Спокойно, – сказал Юрай, – вроде бы английский.

Обе компании сошлись уже за колодцем, и тут рыбаки сообразили, что заслонили собой цель, к которой двигалась толпа гостей.

Иностранцы оказались невероятно вежливыми. Они сразу стихли, остановились напротив.

Осмотревшись, одна бабуля в брюках и белой блузке с рюкзачком обратилась по-английски к Басе:

– Хелло, моя дорогая, как тебя зовут?

Бася немного оторопела.

– Барбара, меня зовут Барбара. Что случилось?

Бабуля и вся толпа невероятно обрадовалась тому, что девочка, которую они встретили, говорит на английском.

– Хай, Барбара! Наш поезд застрял на переезде, там ремонт какой-то, и нас отпустили посмотреть вашу чудесную деревню.

– Хай, Барбара, – вдруг загудела толпа разными голосами. Некоторые даже махали руками, подпрыгивая в задних рядах, особенно одна пожилая дама, крикнувшая: я тоже Барбара.

Бася улыбнулась. Щеки ее покрылись румянцем.

– Я поняла, – сказала она, – как вас зовут, мэм?

– Патрисия, – улыбнулась в ответ дама.

– Откуда вы? – спросила Бася.

– Я лично из США, из Айовы, мои друзья из разных городов, мы путешествуем. Туристы.

– Вел, – сказала Бася, – прекрасно. Чем мы можем помочь? Она оглянулась на Юрая, Диму, Кешу и Манану. Те кивали головами и улыбались.

– Нам интересно посмотреть деревню. Может, перекусить в кафе. Может, этномузей. У нас есть три часа!

– Вот колодец, – Бася отодвинулась в сторону.

– Колодец, колодец, – раздалось в толпе.

Им пришлось отойти в сторону, чтобы пропустить всех к колодцу. Шли организованно, цепочкой. Заглядывали, трогали ведро, отчего то позвякивало цепью.

Один мужчина в белой бейсболке даже спросил – можно нам достать воды?

– Можно попробовать достать воды, тут есть ведро, но пить бы я не советовал, – сказал по-английски Юрай.

Все обернулись к нему.

– Хелло, – сказал он и вежливо кивнул.

– Лучше мы вам дадим воды, – добавил Кеша тоже на английском.

Иностранцы на него уже не смотрели, они все повернулись в сторону Мананы и замерли.

– А у нас лепешки есть, – сказала по-русски Манана, – переведите кто-нибудь, пожалуйста. Можно пойти в магазин. А кафе здесь нет.

Напрягшиеся было иностранцы заулыбались, услышав то, что перевела им Бася.

– Дайте нам время досмотреть колодец, – сказал один из последних в очереди мужчин в панаме.

– Можно их в церковь отвести и в магазин, или сперва в магазин, если голодные. Как захотят, – Юрай советовался с командой в сторонке.

– Кеша, Дима, вынесите на крыльцо пару бутылей с водой, купим потом, и кружки. Стаканчиков у нас нет. Манана, ты тогда жди у себя.

Кеша и Дима быстрым шагом пошли к дому, а Манана к себе.

Туристы закончили доскональную ревизию колодца и двинулись за Басей и Юраем в сторону дома.

– Скажите, а как называется эта деревня? – спросил кто-то в толпе.

Бася и Юрай переглянулись.

– Чувашская Решетка, – произнес Юрай на русском с английским акцентом. А перевод...

Бася перевела дословно, и готова была начать объяснять оба слова по отдельности, но женщина по соседству с ней воскликнула:

– Ясная Поляна, Чувашская Решетка, как поэтично! Толстой!

– Ну, Чувашская Решетка это ближе к Достоевскому, – возразил Юрай.

Та взглянула на него внимательно, поверх очков.

Подошли к крыльцу. Калитка была уже открыта. Юрай увидел на перилах кружки, штук десять. Разномастные. Он и не думал, что в доме их столько. Кеша и Дима разливали воду желающим, впрочем, жаждущих оказалось не так много. Все благодарили очень вежливо, даже те, кто не пил.

В это время Бася собрала небольшую группу туристов возле себя и стала объяснять происхождение названия Чувашская Решетка.

– Так вы не русские? – спросила одна женщина.

Бася взглянула на Юрая:

– Ну это очень длинная история.

– Хорошо, сказала та женщина, спасибо, идемте смотреть дальше, а то нас могут и позвать обратно в поезд.

Дошли до другого конца улицы и свернули от железной дороги в сторону магазина. Манана и ее отец сустились у входа. Когда подошли, выяснилось, что выкладывали лепешки на вынесенный столик. Их захотели попробовать все. Денег с иностранцев не брали. Но некоторые заходили в магазин и что-то покупали там. Мелькали бутылки лимонада и батончики. Заведовала прилавком мама Мананы. Ассортимент быстро заканчивался.

Церковь у иностранцев большого восхищения не вызвала, видимо, интересовала только старина. Тем более что священник был в отъезде, а дверь открыл служка. Кто-то поставил свечки, кто-то перекрестился у входа.

Иностранцы начали было уже небольшими группами разбредаться по улицам, но тут поезд издал пароходный гудок. Вернее, это был гудок поезда. Но Басе он напомнил гудок лайнера в порту Котора, звавшего туристов на борт.

Не торопясь, они двинулись к переезду. Махали, благодарили и нажелали больше чем на день рождения. Та женщина, которая заговорила первой, подошла к стоявшим рядом Диме и Басе, обняла обоих и сказала: будьте счастливы, дети мои.

8.

Дома Юрай достал телефон и прочитал сообщение: «Привет, все прекрасно, Вика завтра выезжает, билет у нее».

Поезд прибывал по расписанию, в 16.15, на станцию Барыш.

Машину оставили за вокзалом. Коммерческие ларьки стояли там в длинный ряд. По объявлениям на фасадах можно было прочитать целую историю. «Шашлык». «Бургеры», «Одежда».

– Раньше у отца здесь тоже киоск был, – сказала Манана, которую взяли за компанию.

Поезда ждали всего трое пассажиров с чемоданами. Сутолоки на перроне, к которой мысленно готовился Юрай, не наблюдалось. Нужный пятый вагон. Двери не открылись. Никакой Вики не было. Никто не протягивал конверт, улыбаясь, с высокой ступеньки. Они стояли в замешательстве. Минута прошла быстро. Юрай начал стучать в дверь вагона. Потом крикнул: ждите здесь, – и побежал к следующему, где пассажиру уже помогли принять последний чемодан. Протянули руку и ему, он метнулся мимо жара титана, за которым начинались купе.

– Извините, здесь Вика едет? – пришлось задавать этот глупый вопрос каждому купе.

Во втором оказалась ложная Вика, ничего не зная о билете. Зато в следующем и девушка у окна, и ее соседи – пожилая пара на диване напротив – заулыбались.

– Как билет? Я же недавно сбросила в окно посылку. Мы мимо вашей деревни как раз проезжали.

– Да-да, – кивнула пара напротив, – но там не встречали, вроде.

Юрай увидел, как медленно поплыл за окном перрон.

– Спасибо, Вика! – крикнул он и побежал к выходу. Дверь уже закрывали, но он успел соскочить, даже услышал из коридора:

– Я же писала!!!

– Ух, успел, – сказала Бася, – что она, забыла, что ли?

– Доставка до двери, – засмеялся Юрай, – едем обратно.

– Надо же, – а у нас почтальона своего нет, – сообщила Манана.

В деревню вернулись уже в сумерках. Юрай раздумывал, не отложить ли поиски на завтра. Но был риск ночного дождя, да и дело вовсе не выглядело сложным.

Подошли к насыпи. Рельсы пели после недавно пролетевшего товарняка.

– Только очень-очень осторожно. Включаем фонарики и ищем необычный предмет. Посылку. Если услышите поезд, сразу спускайтесь с насыпи, договор?

– Да, ясно, – подтвердили и Кеша, и Бася, и Манана.

Четыре луча, продлевая сумерки, стали шарить сперва по насыпи, потом по кустам. Иногда встречаясь. Иногда разбредаясь даже по разные стороны полотна.

Грянул гром, перебивая грохот товарняка и нескольких тяжелых капель, ударивших по камням насыпи, ливануло из невидимой тучи. Пришлось возвращаться домой ни с чем.

9.

– Вы что же так долго спите? – стук в дверь разбудил сначала Юрая, потом в своих комнатах зашуршали дети. Он выглянул в окно, дождя уже не было.

Быстро оделся и открыл дверь.

На пороге стоял хозяин дома, Владимир. Крупный розовощекий мужик. «Наверное, в детстве я его знал», – подумал Юрай.

– Юрий, это вам. Посылка. Обходчик на переезде мне отдал, – Владимир подал замотанный в скотч пакет, в котором угадывалась книга. На скотче было написано – Юрию, фамилия, и значился телефон.

– Спасибо, мы же как раз ждали! – Юрай пожал протянутую руку, – проходите.

– Как вы тут? – Владимир разулся и вошел, оглядывая зал.

– У вас такой классный дом, – сказала Бася, выходя из комнаты.

Владимир поздоровался с ней.

– Ну, я за расчетом, а то потом уеду, и некогда будет.

– Да, – сказал Юрай, все готово. Сейчас дети принесут, – позавтракаем?

Юрай протянул сверток Басе, сделав при этом такое лицо, что она моментально поняла.

– Я сейчас Кешу позову, – сказала она, – чаю поставим.

– Да, от чая не откажусь, спасибо.

Владимир и Юрай пошли на кухню, а Бася скрылась в комнате Кешы.

– Может, еще месяцок? – спросил хозяин дома под звук закипающего чайника.

– Нет, по работе не получается, так бы остались, – сказал Юрай, немного нервничая.

Дверь открылась, и на пороге кухни появились дети. В руках у Кешы был конверт. Давя смех, он торжественно вручил его Владимиру и представился:

– Кеша.

– Спасибо, Кеша! – конверт был вскрыт, и на столе оказались длинные картонные билеты с переливавшейся голограммой.

– Даже два? Ну, ладно вам!

– Да, – я подумал, вы же не один пойдете на Аллу Борисовну, – сказал Юрай.

– Спасибо! Подумаю, с кем пойти. С детства ее слушаю. Вот еще что: зайдите к председателю нашему, Михаилу, хорошо? Он за школой живет, – подмигнул Владимир.

– Председатель? Ладно, интересно, схожу, – сказал Юрай.

Чай закипел.

10.

Все это время Юрай не догадывался, что в деревне мог существовать председатель. «Председатель чего?» – гадал он, проходя мимо здания школы, прятавшегося за запущенными деревьями. Там, отдельным хуторком, стояли несколько дворов, вплотную к трассе. Это был самый край деревни, даже поездов отсюда почти не слышно.

Постучал в зеленые ворота массивным кольцом. Такое же было и у деда, целая конструкция изнутри – засов и механизм с зубцами. В детстве это железо казалось ему средневековым. В глубине двора послышался лай собак. Явно крупных. На два голоса.

На крыльцо вышел мужчина, в брюках и синей рубашке с закатанными рукавами, лицо в загорелых морщинках.

– Здравствуйте, – сказал он, не спускаясь к калитке.

– Доброе утро, – мне передали, что вы просили прийти, – я Юрий.

– А пацаны где?

– Пацаны? У меня дочь и племянник. Они зачем?

– Вы в курсе вообще, что они натворили? Или вы вместе?

– О чем речь?

– Поезд остановили. Горбатюка на рельсы перед поездом поставили, задержка почти на час.

– Горбатюка?

– Идемте, – председатель спустился, закрыв за собой калитку.

Они шли к школе. Над аллеей свисали гнилые, никем не собранные яблоки.

Дверь была открыта. В фойе запах пыли и кошек. Свет из больших окон падал на парту, за которой, по-видимому, когда-то сидела вахтерша, к ней сбоку был придвинут... Михаил, только в костюме и галстуке, и моложе лицом.

В руках он держал звонок, повязанный красной ленточкой. Глаза были такими же глубокими и грустными.

– О, это вы, – сказал Юрай.

– Да, к торжествам делали.

Плакат, изображавший председателя в натуральную величину, был установлен на деревянной раме и подставке из реек.

– У меня несколько деревень было.

– Ясно, – сказал Юрай, хотя не понимал, зачем они здесь оказались.

– Идемте в кабинет.

Миновав три двери по коридору, остановились у последней, со светлым прямоугольником прежнего слоя краски на том месте, где раньше была небольшая табличка. На уровне глаз.

Внутри пылью не пахло, явно здесь убирались. Председатель помешкал, не стал усаживаться во главе письменного стола, выбрал один из стульев для посетителей.

Окно выходило на поле, залитое солнцем. Хотелось открыть его настежь и избавиться от духоты. А еще лучше вылезти в окно и уйти прямо в поле.

Юрай выбрал второй стул.

Председатель поднялся, обошел стол и достал из ящика тетрадь с зеленой обложкой.

– Пишите объяснительную, – он аккуратно разгибал ногтями скрепки в центре, чтобы вынуть двойной лист в линейку с полями.

– Почему вы решили, что поезд остановили мои дети? – спросил Юрай.

– Так другие дети в деревне сказали, что они этого не делали, – резонно ответил Михаил, спокойно посмотрев в глаза Юраю.

– А если и мои так скажут? Мы же их не спрашивали.

– Это они сделали, кто же еще? Наши все знают Горбатюка, а они нет.

– Горбатюк – это ведь вы?

– Да, Михаил Игнатьевич Горбатюк. Мне нужно сдать отчет по поводу поезда.
– Так вы и напишите отчет. Мне же надо увидеть ситуацию! Вы думаете, я что-нибудь пони-
маю? – Юрай нетерпеливо повысил тон.

– Хорошо, напишу и укажу подозреваемых.

– Давайте, – Юрай осматривал обшарпанные стены, выкрашенные салатовым на высоту бан-
тиков пятиклассниц.

Чьи-то портреты стопкой составлены в углу.

Михаил писал уверенно, потом вычеркивал, снова писал, переносил удачный текст на другой
лист.

– Не могу сосредоточиться!

– Дайте взглянуть, мне надо возвращаться к подозреваемым, у нас обед.

Юрай взял листок и прочитал невычеркнутые фразы: «установили макет председателя Гор-
батюка на рельсы за переездом», «намереваясь этим препятствовать свободному проезду пасса-
жирского поезда».

«установка была произведена ими в ночное время, задумана заранее».

– Они с вас деньги за остановку поезда требуют?

– Могут и потребовать! Отчет в любом случае нужен.

– Пишите сами, но я бы другой вариант предложил.

– Какой вариант? – Михаил глядел растеряно.

– Благодаря остановке поезда деревню с экскурсией посетили иностранцы. Впервые за всю ее
историю, возможно... Остались под большим впечатлением благодаря традиционному гостепри-
имству жителей. Хотя одно «благодаря» я бы заменил, подумайте сами, как.

– А поверят?

– Есть факты, – иностранцы делали снимки и записи в социальных сетях. Надо поискать, –
Юрай быстро записал сказанное и пододвинул листок председателю.

– Дальше сами, моих детей оставьте в покое.

Михаил долгим глубоким взглядом посмотрел за спину Юрая, кивнул, как бы ставя в деле
точку, и придвинул себе листок.

Юрай поднялся и вышел, унося картину солнечного поля.

11.

Когда-то до Барыша и дальше, в сторону Инзы ходила электричка, и все расписание жизни
людей подчинялось поездам. Утренняя на рынок в субботу, вечерняя с танцев, все рабочие дни, а
теперь электричек не было, добирались машинами. Но в машине не поболтаешь с соседней дерев-
ней. Люди стали забывать друг друга.

Тем не менее остался еще один, самый надежный способ связи, и о том, что опять приехали
казахи, знали ближайшие деревни. Старушки навещали соседей, родственников, не торопясь, от-
дыхая на следующем крыльце или на пне у тропинки в лесу. Кого-то подбирали попутки и обя-
зательно доставляли к месту назначения. Стоило рассказать бабе Маше, что Чувашская Решетка
ждет в гости, как скоро узнали все приглашенные. Это была идея Юрая. Манану тоже позвали, и
пришла она не просто так. Родители передали бутылку самогона. Часов с четырех начали одна за
одной подходить к крыльцу бабушки в черных фартуках, разноцветных кофтах, платках. Остав-
ляли палки у входа и ловко поднимались по ступенькам. Стол накрыли в зале.

Специально для этого закупили в Барыше продукты – колбасу, сыр, салаты. Бася расставила
все красиво сама. В центре три одинаковых бутылки. Кола и спрайт рядом как-то даже съезжились
и потускнели, не выдерживая монументальности и убедительности самогона.

Выпив по одной залпом, бабули начали пересказывать Юраю родственные отношения, в которых он находился с каждой из них, за родственников сошли и близкие подруги родни. Имена и воспоминания о том, кто в какой деревне родился, и кого уже нет, летали через стол. Оставалось только слушать. К ним не было никаких вопросов. Юрай подумал, что все равно не запомнит. Запомнить бы присутствующих. Не пил. Так лучше и интереснее было воспринимать. Перед ним стояла символическая рюмка, которую он с каждым тостом отпивал по мелкому глоточку, тут же запивая водой. Дети пили колу и тоже слушали. Первая бутылка закончилась, и старушки затянули грустную застольную песню. Слова были непонятны, «кажется, это даже не чувашский, болгарский», сказал Юрай перегнувшейся к нему через край стола Басе.

Потом еще песня и еще. Манана подпевала некоторым.

Здесь она была своей, и голоса хотели околдовать, сделать и их своими, и это почти получалось. Пели и на русском, и на украинском, пели казачьи, и так убедительно, будто эти песни и были единственной подлинной печальной историей.

- Какие крепкие бабки, – сказал Кеша когда стемнело и все разошлись по домам.
- Вечные, – ответил Юрай.

12.

Вещи были сложены в багажник, осталось закрыть дом на ключ. Да, и еще закрыть окно, об этом напомнил пронесшийся поезд. Бася, Дима, Манана и Кеша стояли посреди зала, Юрай нагнулся проверить, не забыл ли зарядку в розетке. Все в порядке. Выпрямился. Наступила тишина, еще более отчетливая после гула поезда.

– Пап, ну, может, ты выйдешь? – Бася сказала непривычно твердо. Остальные молчали.

Он огляделся и ответил:

– Окно потом закройте, хорошо? Я в машине буду вас ждать.

Вышел на задний двор по скрипучим ступенькам. По дороге заглянул в кухню, Автоматически. Такие привычки приходят со временем, и ничего уже не поделаешь. Потом он оказался во дворе и уселся на крыльцо. Вспомнил, как у деда за окнами кухни жужжала пасека, и это было обычным фоном завтраков и обедов.

Он соврал. Тогда утром дед принес им с братом целое ведро земляники. Полное. Но искусство утрачивается со временем, если его не передать по наследству. Все невозможно передать, да и зачем? Нужно оставить место для нового.

Он открыл ворота и мягко выехал на траву перед домом. Манана и Кеша о чем-то разговаривали на крыльце. Потом спустились по ступенькам, закрыв калиточку.

Он беззвучно смотрел, как открылась дверь, выпустив Диму и Басю. Как Дима закрыл дом на ключ, бросив взгляд на машину. Как Кеша засмеялся, и он прочитал по губам, что тот предлагает друзьям перепрыгнуть калитку. Первым прыгнул Дима, потом подал руку Басе, та легко перескочила. Отняла руку, и они долго обнялись.

Хлопнули задние двери с обеих сторон.

– Все, дядь Юр, едем, – сказал Кеша.

Бася достала телефон.